

А. П. Киреева

Научный руководитель: Г. А. Склеинис,
доктор филологических наук, профессор (СВГУ)

СРАВНЕНИЕ ОБРАЗОВ КАРЕНИНОЙ И РАСКОЛЬНИКОВА В РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«Толстой и Достоевский – два величайших гения; силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена – Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо, Гете», – писал Максим Горький.

Оттого неслучайно, что объектом нашего литературного исследования являются наиболее значительные произведения этих писателей – романы «Преступление и наказание» и «Анна Каренина». В рамках этой работы мы заострим наше внимание прежде всего на центральных образах Раскольникова и Карениной.

Цель нашей работы – попытка разобраться, что между ними общего и в чем кроются различия. На основе заявленной цели мы ставим себе в задачу следующее: основательно изучить и сравнить образы этих героев, найти схожие черты и их отличия.

Новизна исследования в том, что ранее ни одним из литературоведов не предпринималась попытка в полной мере раскрыть различия между образами Карениной и Раскольникова и на основе этого сделать вывод о действительном отношении писателей к вопросам морали, культуры и т. п. Эти герои очень хорошо изучены по отдельности, но мало кто брался за их сравнение. Но в этом состоит и опасность. Достоевский и Толстой – два совершенно разных писателя. Первый стремился показать действительность, какой бы она ни казалось неприглядной, второй стремился к совершенству, а в современности совершенства не было. Поэтому Толстой обращался к прошлому времени, где везде господствовал дворянский быт и нравы. Как писал сам Достоевский в своем заключении к роману «Подросток», «если бы я был русским романистом и имел талант, то непременно брал бы героев моих из русского родового дворянства, потому что лишь в одном этом типе культурных русских людей возможен хоть вид красивого порядка и красивого впечатления, столь необходимого в романе для изящного воздействия на читателя... Еще Пушкин наметил сюжеты будущих романов своих в “Преданиях русского семейства”, и, поверьте, что тут действительно все, что у нас доселе было красивого. По крайней мере тут все, что было у нас хотя сколько-нибудь законченного. <...> Положение романиста в таком случае было бы совершенно определенное: он не мог бы писать в другом роде, как в историческом, ибо красивого типа

уже нет в наше время, а если и остались остатки, то, по владычествующему теперь мнению, не удержали красоты за собою» [3, с. 689].

Общее

Есть много оснований для сопоставления Карениной и Раскольникова. В этом разделе мы выделим общие черты этих героев.

Жизненные тупики. Оба героя находятся в безвыходном положении.

Безысходность. Бездействие. Но в то же время в них присутствует удивительная жажда жизни. Их неистраченная жизненная сила рвется наружу, однако они задавлены современностью.

Процитируем несколько фраз из «Преступления и наказания»: «Не то, чтобы он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. <...> Он был задавлен бедностью...» [2, с. 5]; «Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вокруг него решено окончательно» [2, с. 62].

Все как бы ведет Раскольникова к совершению преступления. Он человек, принужденный к этому и страдающий от неизбежности происходящего: «Он был до того худо одет, что иной, даже привычный, человек посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. <...> Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице» [2, с. 7].

Здесь четко проявляются амбиции нашего героя. Да, он худо одет, но он выше этого. Он как бы возвышается над толпой, полной бытовых проблем и недальновидных размышлений.

«Раскольников, – писал Страхов, разъясняя свою мысль, – есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайно серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться целно, без уступок, без остановок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до края – так или иначе – портит жизнь и даже губит людей» [цит. по: 6, с. 552].

Сравним теперь строки, взятые из «Анны Карениной»: «В этом ко-

ротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке» [1, с. 70].

Героиня романа – прелестная, обаятельная, правдивая, умная женщина, человек большого, чистого сердца – оказывается вместе с тем ужасной своей «бесовской» прелестью, эгоистической страстью и неизбежной ложью, паутина которой опутывает ее не только извне (Каренин и светское общество), но и изнутри [5, с. 163].

У Анны есть нескончаемая жажда жизни. В некотором роде она находится в тупике, ибо вышла замуж, не зная любви. Она живет стабильной жизнью, у нее есть все, чего она хочет, она ни в чем не ограничена. Можно сказать, что ее ничего не подталкивало к преступлению и этот выбор сделала она сама, если бы не одно «но». Анна ограничена в счастье, в любви. В ней есть некое бесовское очарование, по нашему мнению, это от ее неисчерпаемой энергии. Она искала счастья и нашла. Трагедия ее лишь в том, что она не захотела его скрыть, как требовало того лицемерное буржуазное общество.

Неосознанные муки совести. И Анна, и Раскольников томимы какими-то тревожными предчувствиями, они ждут смерти, ждут, что их обман (преступление) откроется. Анна во время беременности думает, что умрет при родах, и действительно страшно заболевает после них, температурит. Раскольникова постоянно лихорадит, ему снятся тревожные сны, и он просыпается в поту. Тревожные сны видит и Анна. Они не хотят признаться в своих проступках, ими владеет гордыня, но муки совести очень ярко проявляются на подсознательном уровне.

Взглянем, как передается состояние Раскольникова. Роль его снов в романе важнее, чем кажется на первый взгляд: «Нервная дрожь его перешла в какую-то лихорадочную; он чувствовал даже озноб; на такой жаре ему становилось холодно. <...> В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Такие сны, болезненные сны, всегда долго помнятся и производят сильное впечатление на расстроенный и уже возбужденный организм человека» [2, с. 54].

Заметим, что три сна героя отображают добрую натуру Раскольникова, которую давит буржуазный строй. Когда толпа забивает старую клячу, он хочет вступить за нее, спасти жизнь животного. Образ лошади фигурирует и в «Преступлении и наказании», и в «Анне Карениной». Как забивают лошадь во сне Раскольникова, так и на скачках Вронский неверным движением ломает спину лошади. Лошадь – умное, доброе, трудолюбивое

животное. Кого, как не ее, можно сопоставить с человеком? В своем сне в виде старой клячи Раскольников видит самого себя, он загнан в угол, он чувствует неизбежность преступления, его душу «забивает» буржуазное общество. В сцене со скачками с лошастью сопоставлена Каренина. Вронский, ломая спину лошади, ломает жизнь Анны.

Сравним теперь строки из романа «Анна Каренина»:

«– Да, сон, – сказала она. – Давно я уж видела этот сон. <...> И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик маленький со взъерошенною бородой и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся над мешком и руками что-то копошится там...

Она представила, как он копошится в мешке. Ужас был на ее лице. И Вронский, вспоминая свой сон, чувствовал такой же ужас, наполнявший его душу» [1, с. 386].

Чистый внутренний мир Анны запятнан. Впечатления из Петербурга преследуют Анну. Ее сон является обличительным. Ужасный мужик с взъерошенной бородой – символ ее греха, это то отвратительное, во что она превратилась, а французский язык – символ фальши. В нем звучит «железо» надвигающегося «поезда» буржуазного строя, и Анна чувствует себя раздавленной под этими железными колесами. Она предвидит свой конец.

Отличия в преступлении

Толстой не препятствует греху, т. е. преступлению Анны, так же как и Достоевский не препятствует преступлению своего героя. Между Карениной и Вронским было препятствие (ее сын Сережа), но при их встрече на даче в Петергофе Толстой не вводит его в сюжет. Когда Раскольников размышляет об убийстве, ему также ничего не препятствует, подворачивается топор и т. д. Происходит нагнетание обстановки. А преступник был преступником в произведениях Достоевского не только тогда, когда он нарушал закон: человек становился преступником и тогда, когда, не щадя и не помня себя, вступал в конфликт с объективно существующими непреодолимыми препятствиями и погибал, как Дон Кихот, как Христос, как Идиот [4, с. 26].

Отличия в наказании

Герои лишены любви. Анна не любит свою дочь, Раскольников потерял любовь к своей семье, которую он так оберегал, идея сверхчеловека забрала у него все. Отказавшись от идеи? он обретает Соню, обретает Бога. Ибо Бог есть любовь.

На повсеместное действие закона возмездия Толстой хотел указать эпиграфом к роману: «Мне отмщение, и Аз воздам». «Толстой указывает на “Аз воздам”, – пишет Фет, – не как на розгу брюзгливого наставника, а как на карательную силу вещей...». Фет ясно чувствовал «карательную

силу вещей», вечных законов нравственности – «суда высшего порядка» – совести, добра и справедливости в искусстве Толстого [7, с. 436–437].

Отношение к самоубийству

В «Анне Карениной» сама смерть рассматривается как избавление от тягот жизни, самоубийство представляется как легкая участь. Сама Анна воспринимает самоубийство так: раз – и она избавит от себя всех. Достоевский осуждает самоубийство, это грех, у человека нет смирения к жизни. Философия Достоевского – как Бог дал, так и живи.

А вот отрывок из «Анны Карениной»:

«– Вот смерть-то ужасная! – сказал какой-то господин, проходя мимо. – Говорят, на два куска.

– Я думаю, напротив, самая легкая, мгновенная, – заметил другой.

Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидел, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы».

«Жизнь связана наша, и связана не людьми, а Богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару» [1, с. 158]. Эти слова произносит Каренин, не самый яркий герой из романа «Анна Каренина», но в данном случае он выражает и нашу собственную мысль.

Оба рассматриваемых героя совершили ужасный грех. Анна расторгла свой брак, считающийся священным, Раскольников отобрал чужую жизнь, такую же священную, как и сотни других. Они оба пришли к перерождению души через страдание. Только Анна увидела свет уже перед самой смертью, а Раскольникову удалось выдержать все испытания и прийти к иному осознанию жизни. Наших героев ломает буржуазное общество, старые порядки уходят, а люди, оставшиеся правдивыми и нелицемерными, гибнут под «колесами» чугунного буржуазного строя. Это буржуа кладет топор в руки Раскольникова и толкает Анну на рельсы. Правдивым людям невыносимо жить в таком обществе, с извращенными понятиями и правилами, они жаждут справедливости, а ее все нет и нет, тогда они сами решают вершить ее, оступаются и совершают непоправимое. Они ступают на неверный путь и в конечном итоге гибнут. Анна восстала против общества, как и Раскольников, и не смогла выдержать натиска железного фальшивого буржуазного строя.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Анна Каренина. М. : Эксмо, 2010. 800 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Ф. М. Достоевский. Собр. соч. : в 15 т. Т. V. Л. : Наука, 1989. 574 с.
3. Там же. Т. VIII : Вечный муж. Подросток. Л. : Наука, 1989. 815 с.
4. Кирпотин В. Я. Достоевский – художник. М. : Советский писатель, 1972. 320 с.
5. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М. : Просвещение,

1987. 176 с.

6. *Фридлендер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л. : Советский писатель, 1985. 456 с.
7. *Фридлендер Г. М.* Примечания // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. V : Преступление и наказание. Л., 1989. С. 523–555.
8. *Храпченко М. Б.* Примечания // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. IX : Анна Каренина. Части пятая – восьмая. М., 1982. С. 417–449.

А. А. Накарякова

Научный руководитель: Ю. В. Матвеева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)

ОБРАЗЫ НЕМЦЕВ В «РУССКОЙ ПРОЗЕ» ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Говоря о Владимире Набокове – писателе младшего поколения первой волны эмиграции – невозможно обойти вниманием вопрос о национальной идентификации. Для младоэмигрантов, которым по воле судьбы пришлось влиться в чужую культуру, этот вопрос является принципиальным. Ю. В. Матвеева в своей работе «Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов» пишет о писателях «незамеченного поколения»: «Они были абсолютными, чистыми иностранцами всюду. <...> Для многих из них вопрос о национальной самоидентификации оставался открытым до конца жизни. Собственную “иноприродность” молодые писатели переживали болезненно» [1, с. 75].

Разумеется, мышление Набокова не настолько подчинено стереотипам, чтобы писатель мог заключать своих героев лишь в рамки определенного менталитета и делить персонажей только по принципу национальности. В романе «Отчаяние» мы можем обнаружить некоторую иронию по поводу привычки героини смотреть на мир сквозь призму этих стереотипов. «Она ненавидит Ллойд-Джорджа, из-за него, дескать, погибла Россия, – и вообще: “Я бы этих англичан своими руками передушила”. Немцам попадает за plombированный поезд (большевичный консерв, импорт Ленина). Французам: “Мне, знаешь, рассказывал Ардалион, что они держались по-хамски во время эвакуации”» [4, с. 346].

Тем не менее, сам Набоков нередко подчеркивает национальную составляющую образа, выделяет специфические черты именно национального менталитета своих героев.

Если говорить о произведениях «русского периода», наиболее ярко и полноценно в них вырисовывается образ немца. Трудно не заметить, что портрет немецкой нации является отнюдь не лестным. Практически все ее представители, появляющиеся на страницах набоковских произведений, отличаются приземленностью, меркантильностью, ограниченностью, ду-